

DOI 10.15826/izv2.2019.21.4.069

УДК 821.161.1-ЗДостоевский + 792.082. +
+ 792.028.3**К. Н. Отева***Российский государственный институт
сценических искусств
Санкт-Петербург, Россия*

ЖЕСТ ОТЧАЯНИЯ В ПОВЕСТИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «КРОТКАЯ» И ЕЕ ТЕАТРАЛЬНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ*

В статье исследуется поэтика жеста в повести Ф. М. Достоевского «Кроткая», ранее не становившаяся предметом специального внимания достоевковедения. Цель статьи — проанализировать особенности жестового поведения героев в моменты отчаяния, а также показать, как современные театральные постановки по произведению выявляют важность невербального уровня изображения человека в художественном мире «Кроткой». Автор делает вывод о том, что в кризисные эпизоды повествования (хождение вокруг тела мертвой жены, борьба двух воль в сцене с револьвером, самоубийство Кроткой) актуализируются ключевые кинетические мотивы повести: движение по отношению друг к другу и смотрение друг на друга. Жесты смотрения связаны с желанием понять другого. Постигание чужой правды начинается со взгляда на тело мертвой женщины; жест отведения и закрывания глаз в сцене с револьвером демонстрирует отказ понять страдание другого человека. Анализ жестов, описывающих передвижения Закладчика и Кроткой по отношению друг к другу, показывает, что герои поочередно пытаются сблизиться, но вместо этого неуклонно отдаляются. В самоубийстве Кроткой жест превращается в поступок: героиня выбирает движение не навстречу Закладчику, а, наоборот, от него.

На примере анализа постановок в театре «Мастерская» и БДТ им. Г. А. Товстоногова показано, что смыслы, заложенные в произведении на уровне жеста, прочитываются современной культурой в контексте проблемы диалога. Театр высвечивает в тексте Достоевского противоречие между отъединенностью человека от других и вместе с тем его потребностью в понимании и любовном принятии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Достоевский; «Кроткая»; жест; интерпретация; театральная постановка; диалог.

Ц и т и р о в а н и е: Отева К. Н. Жест отчаяния в повести Ф. М. Достоевского «Кроткая» и ее театральные интерпретации. DOI 10.15826/izv2.2019.21.4.069 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 4 (193). С. 92–104.

Поступила в редакцию 03.04.2019

Принята к печати 22.10.2019

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Достоевский в медийном пространстве современной русской культуры», № 18-012-90003.

Ksenia N. Oteva

Russian State Institute of Performing Arts
St Petersburg, Russia

A GESTURE OF DESPAIR IN DOSTOEVSKY'S SHORT STORY *A GENTLE CREATURE* AND ITS THEATRICAL INTERPRETATIONS

This article studies the poetics of gesture in Dostoevsky's short story *A Gentle Creature*, which has never been a subject of a specific focus in studies dedicated to Dostoevsky. The purpose of the article is to analyse the characters' gesture behaviour in the moments of despair and to show how modern theatres staging this short story reflect the importance of the non-verbal layer of human portrayal in the artistic world of *A Gentle Creature*. The author of the article concludes that the key kinetic motifs of the short story (moving towards one another and looking at one another) become particularly important in the critical episodes of the narration: walking around the body of a dead wife, the battle of wills in the episode with the revolver, the suicide of the Gentle Creature, etc. Gestures related to viewing reveal the desire to understand the other person. Understanding another person's truth starts with a glance at the body of a dead woman. Gestures of looking aside and closing one's eyes which ones sees in the episode with the revolver show refusal to understand another person's sufferings. Analysis of gestures describing movements of the Pawnbroker and the Gentle Creature towards one another shows that the characters try to get closer in turn, but continuously move away from each other instead. The suicide of the Gentle Creature is a gesture that becomes a deed: the heroine chooses a movement that does not bring her closer to the Pawnbroker but takes her farther away from him.

Referring to theatrical productions made by the Masterskaya St Petersburg Theatre and the Tovstonogov Bolshoi Drama Theatre, the author shows that the message hidden in the short story at the gesture level is perceived by modern culture in the context of the dialogue problem. The theatre reveals the contradiction between the actual isolation of a person from others and their need to be understood, loved, and accepted in Dostoevsky's text.

Key words: Dostoevsky; *A Gentle Creature*; gesture; interpretation; theatre adaptation; dialogue.

Acknowledgements

The research is supported by the *Russian Foundation for Basic Research* within the project "Dostoevsky in the Media Space of Modern Russian Culture", No. 18-012-90003.

Citation: Oteva, K. N. (2019). Zhest otchaianiia v povesti F. M. Dostoevskogo "Krotkaia" i ee teatral'nyie interpretatsii [A Gesture of Despair in Dostoevsky's Short Story *A Gentle Creature* and Its Theatrical Interpretations]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 4 (193), 92–104. doi: 10.15826/izv2.2019.21.4.069

Submitted on 03 April, 2019
Accepted on 22 October, 2019

В современной филологии под жестом принято понимать единицу телесной моторики человека — «значимые движения рук, ног, корпуса или лица» [Крейдлин, с. 46]. Чтобы подчеркнуть разное семиотическое наполнение телесных движений в реальной жизни и в искусстве, К. Г. Исупов предлагает различать «изображающие» и «изображенные» жесты: первые включены в процесс коммуникации, вторые являются способом проявления авторской позиции в художественном произведении [Исупов, с. 147]. Исследуя поэтику жеста в литературе, мы, с одной стороны, анализируем невербальный уровень диалога персонажей, а с другой стороны, приближаемся к пониманию авторского замысла.

Поэтика жеста в произведениях Ф. М. Достоевского — тема относительно малоизученная, но в последнее время вызывающая все больший интерес исследователей. Одной из первых работ в этой области стала статья И. З. Белобровцевой «Мимика и жест у Достоевского» (1978). Исследовательница обратила внимание на то, что пластика героев Достоевского часто идет вразрез с нормальной психологической реакцией на событие: неестественность или неуместность жеста «выделяет жестикулирующего героя в кругу прочих, <...> делая его не похожим на остальных» [Белобровцева, с. 197].

Поиски современного достоевсковедения в области поэтики телесности предопределила статья Р. Г. Назирова «Жесты милосердия в романах Достоевского» (1983) [Назирова, 2005а]. Ученый указал на то, что в произведениях писателя разного времени можно выделить устойчивые жестовые комплексы: поклонение, приветствие, братание и др., — которые имеют глубокие фольклорные и литературные корни, так или иначе восходящие к христианству. В центре наблюдений Р. Г. Назирова были жесты, связанные с подаванием и принятием милостыни, их постоянное воспроизведение в романах Достоевского ученый интерпретировал как проявление религиозного мировоззрения [Там же, с. 129]. В более поздней статье «Семантика движения в романах Достоевского» (2002) Р. Г. Назиров проанализировал поэтику жеста хождения — бесцельного «блуждания» [Назирова, 2005б, с. 199] героев по городу, которое становится их способом вести диалог с судьбой.

Продолжая традицию, заданную Р. Г. Назировым в работе 1983 г., ученые сегодня рассматривают жесты в романах Достоевского в контексте христианской «символизации быта» [Назирова, 2005а, с. 128]. Так, например, С. Б. Пухачев, посвятивший диссертационное исследование жестовым особенностям художественного мира Достоевского, выделяет в каждом романе великого пятикнижия ключевые кинетические темы, особое внимание уделяя сакрализованным жестам: преклонению колен, рукопожатиям и др. [Пухачев]. Идею разделения жестов героев Достоевского на сакральные и профанные развивает В. И. Габдуллина. По мысли исследовательницы, вводя в повествование ритуально окрашенные жесты поклона и поцелуя, автор задает в произведении религиозную норму [Габдуллина, с. 51]. Схожим образом проблему кинетического поведения рассматривает Е. Е. Нелипа, анализируя ритуальные и антиритуальные жесты в романе «Бесы» [Нелипа].

На наш взгляд, уровень невербального в том, как Достоевский изображает человека, до сих пор недооценен. Поэтика жеста в произведениях писателя, помимо связи с христианской проблематикой, обладает также сугубо художественным символизмом. Так, в повести Достоевского «Кроткая», которая раньше не изучалась в аспекте невербального, особая смысловая наполненность жеста обусловлена повествовательной структурой произведения: все события «фантастического рассказа» [Достоевский, с. 5] пропущены через сознание героя, поэтому в поток повествования попадают только те элементы телесного поведения, которые отмечает сам говорящий и которые лично ему представляются важными для осмысления совершившейся трагедии. Значимость телесных движений для понимания произведения становится видна, если обратиться к анализу рецепции повести «Кроткая» в театре. Мимические и кинетические движения человека, описанные в первоисточнике, становятся интенциональным зерном, из которого разворачивается интерпретация персонажа на сцене. Претворяя заложенные в жесте смыслы в сценический образ героя, режиссеры создают новые произведения, находящиеся в живой связи с творчеством писателя классической поры. При этом постановки по повести «Кроткая», преломляя текст в художественном языке спектакля, высвечивают особенности эстетики Достоевского. Кроме того, наблюдая за театральной интерпретацией смыслов, связанных в произведении с уровнем жестовых характеристик, можно сделать выводы о том, какие идеологические и художественные аспекты творчества писателя актуальны для искусства нашего времени.

Чтобы увидеть, как происходит переход от текста к театральной интерпретации, сначала проанализируем особенности жеста в повести, затем рассмотрим, как творчество режиссеров откликается на слово Достоевского и какие черты поэтики произведения выявляются в двух современных спектаклях «Кроткая» (режиссер А. Гаврюшкин, «Мастерская», 2010; режиссер В. Ивченко, БДТ им. Г. А. Товстоногова, вторая сцена (Каменноостровский театр), 2018).

Повесть «Кроткая» переполнена указаниями на жесты героев, причем в критические моменты повествования описание телесных движений становится особенно важным. С развитием темы отчаяния в произведении связаны два главных жестовых комплекса: движение и смотрение. Надежда на любовь и сочувствие, раскрывающаяся через жест приближения и установления зрительного контакта, сменяется потерей веры в возможность понимания между людьми и переходом к жестам отчаяния: отдалению и отведению глаз.

Жесты хождения и смотрения становятся отправной точкой процесса осознания рассказчиком совершившейся трагедии: «Вот пока она здесь — еще всё хорошо: подхожу и смотрю поминутно» [Достоевский, с. 6]. Жест ходьбы повторен еще раз: «Дело в том, что я всё хожу, хожу, хожу...» [Там же]. Герой связывает потребность в ходьбе с процессом разворачивания мысли: неспособность остановиться, заснуть или погрузиться в молитву передает внутреннее смятение человека в глубоком горе, его лихорадочные попытки осознать случившееся. На тесное переплетение мотивов движения и размышления в произведениях

Достоевского указывал Р. Г. Назиров, называя ходьбу в художественном мире писателя «способом философской медитации» [Назиров, 2005б, с. 206], где каждая случайная встреча и каждая услышанная фраза становятся подсказкой судьбы. В отличие от блуждания по городу, о котором писал ученый, движение в повести «Кроткая» замкнуто пределами квартиры: осмысление, которое предстоит Закладчику, совершается в одиночестве, без надежды на помощь другого. М. М. Гиришман, анализируя ритм повести, назвал слово героя «неуспокоенным» [Гиришман, с. 335]. Измученный отчаянием человек не может остановиться; рассказывая, он находится в постоянном движении. Так, слово в повести «Кроткая» неразрывно связано с жестом: страшная внутренняя боль героя порождает его «напряженно-самоуясняющую» [Там же, с. 330] речь и его мучительное хождение по пустым комнатам.

Указания на то, что герои то подходят друг к другу, то наоборот удаляются друг от друга, — ключевой жестовый мотив повести «Кроткая». Постоянная фиксация передвижений относительно другого задает в тексте ритм притяжений и отталкиваний. Рассказчик начинает историю с того, что Кроткая «приходила» [Достоевский, с. 6] к нему за деньгами на публикации объявлений в газету о поиске работы. Для героини встреча с Закладчиком сразу окрашена в эмоциональные тона отчаяния и безысходности, отразившиеся на уровне ее телесного поведения: «Только что получала деньги, тотчас же повертывалась и уходила» [Там же]. В описании первых встреч с Кроткой рассказчик несколько раз указывает на жесты насмешки, которые в контексте его сознания соотносятся с темой гордыни: ирония в адрес Кроткой призвана подчеркнуть его превосходство. Герой «позволил себе усмехнуться на ее вещи» [Там же, с. 7], подчеркивая ничтожность принесенного заклада. Унижение Кроткой вызывает его торжествующий смех. Однако Закладчик не сомневается в том, что она придет снова, потому что ей больше неоткуда ждать помощи: «Впрочем, я был тогда уже во всем уверен и не боялся: мундштуки-то никто принимать не станет. <...> Так и есть, на третий день приходит» [Там же, с. 8]. А. В. Денисова подчеркивает, что в том, как Кроткая входит в дом мужа с чувством «обреченности на жертву» [Денисова, с. 392], звучит мотив отчаяния.

Стремление Кроткой к сближению в первые дни брака выражено через слово с жестовой семантикой движения навстречу: «были порывы, бросалась обнимать меня» [Достоевский, с. 15]. Кроткая хочет инициировать диалог с героем, узнать душу своего мужа, однако ее попытки преодолеть дистанцию между ними не встречают ответа, на ее порывы Закладчик отвечает молчанием. Герой боится, что откровенный рассказ о его жизни вызовет в Кроткой не понимание, а презрение, и поэтому, вместо того, чтоб признаться ей в своих страданиях и всеобщей нелюбви, которая преследовала его с детства, он демонстративно обрывает коммуникацию. Жесты смотрения Кроткой выражают напряженное желание заглянуть в душу собеседника, проверить, действительно ли тот образ себя, который он создает для нее, отражает его настоящее я: «Она всё как-то, помню, тогда исподтишка на меня глядела; я, как заметил это, и усилил

молчание» [Достоевский, с. 15]. Парадокс Закладчика заключается в том, что он и сам постоянно вглядывается в лицо своей жены, замечает каждое ее движение, находясь в постоянном внутреннем диалоге с ней, но при этом отвергает любую попытку контакта с ее стороны.

Когда страдание Кроткой от невозможности диалога достигает эмоционального пика, она берет в руки оружие. Наведенный на мужа револьвер — жест отчаяния Кроткой, измученной, по выражению В. А. Туниманова, его «инквизиторской системой» [Туниманов, с. 77]. Р. Пис отмечает, что Закладчик воспринимает свое противостояние с женой как дуэль двух волей, победа на которой обесценит в ее глазах слухи о его трусости и обеспечит его окончательное над ней господство [Пис, с. 191]. И. А. Есаулов называет героя «реваншистом», пытающимся в лице Кроткой одержать победу над всем миром, отвергнувшим и унижившим его [Есаулов, с. 79].

Кинетическое интонирование сцены борьбы построено на жестах смотрения: герой «вдруг открыл глаза», убедившись, что героиня не заметила его взгляд, «быстро закрыл глаза»; затем, не выдержав тишины, «вдруг, неудержимо, открыл глаза против воли» [Достоевский, с. 21]. Их «глаза... встретились», но они «глядели друг на друга не более мгновения» [Там же]. Герой «с силой закрыл глаза опять» [Там же]. В контексте повести, где смотрение связано с мотивом понимания, волевое решение Закладчика закрыть глаза на то, что жена подняла на него оружие, можно интерпретировать как нежелание увидеть ее боль и отчаяние. Он усилием воли отказывается испытать прозрение, которое обрушится на него позже, когда будет слишком поздно. Жест отведения или закрывания глаз становится мимическим аналогом молчания героя, демонстративным отказом от понимания. Кроткая дошла до последней черты в своем стремлении добиться живого отклика от человека, замкнувшегося внутри собственного я, и после этого она теряет волю к установлению диалога. Симптоматично, что после выздоровления от болезни молчание перестает тяготить ее.

В развитии жестового рисунка образов Закладчика и Кроткой происходит симметричное переключение художественных доминант. Если раньше Кроткая незаметно вглядывалась в лицо мужа, пытаясь его понять, то теперь он тайно за ней наблюдает и гадает, о чем она думает («я вот исподтишка люблю смотреть на нее, а ни одного-то ее взгляда за всю зиму я не поймал на себе!» [Там же, с. 25]). Осознав, что жена забыла о нем, Закладчик становится инициатором диалога, которого она добивалась в начале истории. Жесты героя описывают его устремленность по направлению к Кроткой, желание преодолеть установившийся между ними барьер: «Я прямо подошел и сел подле на стул, вплоть», «я взял ее за руку» [Там же, с. 27], «я так и рухнул к ногам ее», «я с чрезвычайною силою удержал ее за обе руки» [Там же, с. 28]. В том, как герой восторженно целует ноги Кроткой, можно увидеть жестовое отражение ее первых порывов, когда она «бросалась» [Там же, с. 15] к нему с любовью. Однако теперь героиня отстраняется от мужа, препятствует сближению: «Она опять вздрогнула и отшатнулась в сильном испуге» [Там же, с. 28]. Трагедия Закладчика заключается в том, что

хоть он и стремится к пониманию с Кроткой, но ее мир по-прежнему закрыт от него, теперь уже по ее инициативе.

В достоевсковедении неоднократно звучала мысль о том, что самоубийство становится для Кроткой единственным способом сохранить свой ценностный мир от разрушения, потому что переворот, случившийся в душе Закладчика после «больной» [Достоевский, с. 27] песенки жены, не подразумевает обретения им любви и сострадания [Джексон, с. 102; Касаткина, с. 418]. Н. Г. Михновец подчеркивает, что в финальном выборе героини звучит мотив побега: не желая принять зло, творимое людьми ростовщического типа, «Кроткая из замкнутого мира закладчика делает шаг в сторону разомкнутого пространства» [Михновец, с. 161]. С такой однозначной интерпретацией образа героя трудно согласиться. В кинетическом рисунке Закладчика есть жест, указывающий на глубину его раскаяния и сострадания: заламывание рук над спящей женой — знак осознания своей вины, неслучайно, вспоминая об этом моменте, рассказчик сбивается на интонацию скорби и жалости: «Я ломал руки над ней, смотря на это больное существо на этой бедной коечке» [Достоевский, с. 29]. Однако Кроткая уже не готова принять приглашение к диалогу и пониманию.

В описании самоубийства Кроткой жест превращается в поступок: героиня выбирает движение не навстречу Закладчику, а, наоборот, от него. Так, в повести выстраивается единый жестовый мотив перемещения в пространстве: Кроткая пришла в жизнь Закладчика, «бросилась» [Там же, с. 13] к нему с любовью; затем, бунтуя против его молчания, пыталась демонстративно уйти из его дома и подошла к нему вплотную с револьвером в руках; когда же Закладчик начал диалог, отшатнулась от него и наконец «шагнула» за окно и «бросилась» [Там же, с. 33] вниз, теперь ее тело навсегда «унесут» [Там же, с. 35] из его дома. На жестовом уровне в произведении разворачивается экзистенциальная трагедия невозможности подлинного общения в земном мире. Два человека, страстно тоскующих по любви и пониманию, не могут совпасть в пространстве и времени общего диалога: когда один делает шаг навстречу, другой отвечает молчанием и отдалением.

В ХХI в. повесть Достоевского «Кроткая» оказалась весьма востребованной театром. За последние два десятилетия появился ряд интересных постановок: «Кроткая» А. Варсимашвили в Тбилисском русском драматическом театре им. А. С. Грибоедова (2004); «Кроткая» Ю. Паниной в театре «Особняк» (2006); «Кроткая» И. Керученко в Московском театре юного зрителя (2009). Выбор для анализа спектаклей А. Гаврюшкина и В. Ивченко объясняется тем, что они идут на сегодняшней петербургской сцене параллельно и, несмотря на разные векторы интерпретации произведения Достоевского — как семейной драмы и как христианской трагедии, — созвучны в интерпретации темы одиночества и невозможности понимания у Достоевского. На примере этих работ можно говорить о некоторых симптоматичных особенностях восприятия Достоевского современной культурой: повесть «Кроткая» прочитывается как текст о катастрофической разобщенности человечества. Интенциональный заряд, заложенный

в произведении на уровне жестовых мотивов, разворачивается в сценическое высказывание о кризисе диалога. Постановки по произведению Достоевского в театре «Мастерская» и БДТ им. Г. А. Товстоногова заканчиваются жестом отчаяния героя, осознавшего страшную отъединенность от мира людей.

В спектакле «Кроткая», премьера которого состоялась в 2010 г. на сцене театра «Мастерская», конфликт произведения Достоевского сужен до уровня частной семейной истории. То, что работа режиссера А. Гаврюшкина в первую очередь о диалоге между людьми, подчеркнуто в форме инсценированного текста: звучащее слово Достоевского разделено между двумя героями. Закладчик, роль которого играет сам режиссер, и Кроткая в исполнении П. Воробьевой, подхватывая реплики друг друга, рассказывают историю своей семейной жизни, звучащую то в сочувственных, то в упрекающих тонах.

В основе взаимодействия актеров на сцене лежит жест сближения и отдаления, который режиссер извлек из текста Достоевского и превратил в пластическую основу спектакля. Герои то расходятся по разным концам сцены, то подходят друг к другу вплотную. Кроткая постоянно протягивает руки к Закладчику, как будто пытается соприкоснуться с ним: когда закладывает образ, когда он называет ее тираном своей души. Произнося реплику о том, что Закладчик ничего не рассказал ей о дуэли до свадьбы, она пытается погладить его по щеке, но так и не решается коснуться его лица. Рассказ героя о «страшном воспоминании» [Достоевский, с. 20] вызывает ее сострадание: пока он рассказывает о символической дуэли с любимой женщиной, Кроткая садится рядом и обнимает его. Так, на уровне жестового взаимодействия актеров на сцене отражается заложенное в кинетическом поведении героев Достоевского постоянное разнонаправленное движение — то навстречу друг другу, то прочь.

Энергия вопрошания в образе Кроткой, выраженная в тексте Достоевского в жестах вглядывания в лицо героя, ощутима в образе, созданном на сцене П. Воробьевой. Героиня выходит из потустороннего пространства, отделенного протянутой поперек сцены прозрачной дымчатой тканью, чтобы посмотреть в глаза Закладчика. Она страстно пытается понять внутренний мир мужа, который он так тщательно скрывал от нее. «А почему молчал?» — эти слова, произнесенные сначала с сочувственным недоумением, а потом с упреком, становятся эмоциональным лейтмотивом спектакля. Знание о том, что Кроткая уже умерла, отбрасывает трагический отблеск на сценический диалог героев: понимание и сочувствие, пришедшее к героям слишком поздно, не спасает их от страшного итога.

Режиссер развернул в открытый сценический диалог скрытый диалогизм, заложенный в повести Достоевского в постоянном жестовом взаимодействии героев. Оба человека в спектакле — равноправные участники диалога. Интонационно обыгрывая текст Достоевского, они уточняют и дополняют сказанное друг другом, спорят, доказывают свою правоту, жалеют и укоряют друг друга. У зрителя возникает ощущение, что герои тонко настроены друг на друга: рассказывая о молчании и непонимании, они при этом откликаются на каждое

движение и слово партнера. Как пишет театральный критик А. Волошина, у зрителя невольно возникает «детская уверенность: они только по какой-то нелепой случайности мучаются, а на самом деле могут и должны друг друга спасти» [Волошина].

В постановке А. Гаврюшкина союз Закладчика и Кроткой, при всей его конфликтности, дышит теплотой и любовью, тем драматичнее и необъяснимее финальное решение героини. Режиссер не делал в начале спектакля акцент на том, что в повести Достоевского история разворачивается как воспоминание, поэтому для зрителя, плохо знакомого с текстом, самоубийство Кроткой кажется внезапным и непредсказуемым. Работая с произведением XIX в., А. Гаврюшкин показал, что любовь в современном мире не спасает человека от непонимания и одиночества. Спектакль заканчивается на щемящей ноте: Закладчик, с вызовом поднимая глаза вверх, произносит слова о том, что забыл, кто это сказал: «Люди, любите друг друга» [Достоевский, с. 35], а потом убирает образ Богородицы в конторку и задвигает ящик. Финальный жест отчаяния, завершающий сценическое действие, — трагическое признание современного человека в том, что он не способен выполнить завет о самоотверженной любви в диалогическом пространстве своей частной жизни.

В моноспектакле «Кроткая» в БДТ им. Г. А. Товстоногова, премьера которого состоялась в 2018 г., проблема диалога между людьми интерпретирована в христианском ключе. Автор работы В. Ивченко, выступивший в роли инсценировщика, режиссера и исполнителя, предложил свое прочтение повести Достоевского: трагедия Закладчика и Кроткой заключается в том, что диалог между двумя любящими людьми превратился в противостояние двух гордынь. Внутренний сюжет постановки заключается в борьбе, совершающейся в душе Закладчика: он мучительно колеблется между тем, чтобы обвинить в произошедшей трагедии Кроткую, и тем, чтобы покаяться самому.

Жест насмешки, с которого в повести начинается раскрытие образа Закладчика, становится одной из ведущих интонационно-пластических линий спектакля В. Ивченко. Ирония героя направлена главным образом на самого себя: он почти с издевкой говорит о том, как пытался воспитать себе покорного друга, делая при этом преувеличенно-саркастические жесты. Насмешка над собой разрастается до сомнения в человеческой природе в целом: искренне любящий человек оказывается способен измучить дорогое ему существо до желания покончить с собой. Иронические интонации постоянно перебиваются страшной болью, в которой прорывается любовь героя к Кроткой. Отчаянием человека, придавленного страшной виной, проникнуты многие жесты В. Ивченко: он то бьет себя кулаком в грудь, то ложится на кровать, сжавшись в комок, как ребенок, то мечется вокруг нее.

Нежелание раскрыться перед Кроткой, заключающееся в повести в молчании героя, продублированном на жестовом уровне игнорированием ее вопрошающих взглядов, В. Ивченко осмысляет как гордыню Закладчика. Трагическая вина героя в спектакле заключается в том, что он отгородился от людей, считая

себя несправедливо обиженным ими — не только тем, что его изгнали из полка, но и тем, что его никогда не любили и не ценили по достоинству. Рассказывая о своей мечте об уединенной жизни в Крыму, герой держит перед собой мундир, как будто отгораживаясь им от зрителей. Вспоминая о свидании Кроткой с Ефимовичем, он бьется за решеткой поставленной на бок железной кровати, отделяющей его от мира. Привычка к обособленности стала причиной того, что Закладчик в исполнении В. Ивченко до последнего думал о своих чувствах и не замечал страдание женщины, которую любил. Актер показывает «бесовскую гордость» [Достоевский, с. 26] человека, мечтающего покорить и поработить другого. После истории с револьвером В. Ивченко даже не кричит, а почти рычит, произнося слова Закладчика: «Побеждена, но не прощена!» [Там же, с. 22]. Так, В. Ивченко прочитывает повесть Достоевского с точки зрения сложной этической проблемы: потребность в любви и принятии в несовершенном земном мире оборачивается жестокостью и отвержением другого.

Постепенное осознание того, что это он виноват в смерти жены, становится для героя точкой внутреннего поворота от гордыни к покаянию. О том, как они говорили с Кроткой последний раз, Закладчик рассказывает на коленях. Его монолог превращается в исповедь: герой стоит перед залом в белой одежде, над ним в луче яркого света образ Богородицы, около ног, как напоминание о его страшной вине, светлые ботиночки умершей жены. В финале Закладчик медленно поднимает руку вверх, как будто хочет перекреститься, но не может совершить крестное знамение, дрожащая рука бессильно падает вниз. Он то воздевает руки к небу, то тянет их к ботиночкам, то раскидывает их в стороны и застывает, как будто на кресте. Слова «Люди, любите друг друга» [Там же, с. 35], автора которых не может вспомнить герой, превращаются в его приговор самому себе: он так старался насытить свою гордыню, что разрушил жизнь любимого человека. Жест отчаяния героя проникнут чувством вины и осознанием необратимости случившегося: он падает на колени перед ботиночками и, рыдая, обнимает их.

Театр сегодня прочитывает повесть «Кроткая» сквозь призму проблемы диалога, которая в произведении разворачивается на уровне жестового интонирования истории героев. Авторы двух современных постановок высвечивают в произведении Достоевского напряженное противоречие между страстным желанием человека быть понятым и его роковой неспособностью понять и принять нуждающегося в нем другого. В спектаклях А. Гаврюшкина и В. Ивченко разворачивается экзистенциальная трагедия обрыва коммуникации. Потребность в другом остается нереализованной и приводит человека к отчаянию, вызванному невозможностью настроить и сохранить связь с чужой душой.

Источники

Достоевский Ф. М. Кроткая // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 24 : Дневник писателя за 1876 год, ноябрь–декабрь. Л. : Наука, 1982. С. 5–35.

Кроткая. По повести Ф. М. Достоевского. Инсценировка и постановка А. Гаврюшкина. Театр «Мастерская». 2010.

Кроткая. По повести Ф. М. Достоевского. Инсценировка и постановка В. Ивченко. БДТ им. Г. А. Товстоногова. Вторая сцена (Каменноостровский театр). 2018.

Исследования

Белобровцева И. З. Мимика и жест у Достоевского // Достоевский : материалы и исследования / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) ; [редкол.: В. Г. Базанов (гл. ред.) и др.]. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. Т. 3 / [ред. Г. М. Фридендер]. С. 196–204.

Волошина А. «Кроткая» // Петерб. театр. журн. Блог. 2010. URL: <http://ptj.spb.ru/blog/krotkaya-gavryushkin/> (дата обращения: 28.03.2019).

Габдуллина В. И. Семиотика жеста в поэтической системе Достоевского: сакральное и профанное // Сиб. филол. журн. 2008. № 3. С. 46–51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/semiotika-zhesta-v-poeticheskoy-sisteme-f-m-dostoevskogo-sakralnoe-i-profannoe> (дата обращения: 28.03.2019).

Гиришман М. М. Ритм художественной прозы. М. : Сов. писатель, 1982.

Денисова А. В. «Страдание тут очевидное...» («Кроткая» Ф. М. Достоевского в контексте «Дневника писателя» за 1876 год) // Рос. гуманитар. журн. 2014. Т. 3. № 5. С. 388–393. URL: http://libartrus.com/arch/files/2014/5/07_140113_Denisova_v3.pdf (дата обращения: 28.03.2019).

Джексон Р. Л. В несчастье яснее истина: концовка «Кроткой» // Достоевский и мировая культура. 1997. № 9. С. 100–106.

Есаулов И. А. Художественный мир Достоевского в свете оппозиции «юрродство / шутровство» и позиция Бахтина: На материале фантастического рассказа «Кроткая» // Достоевский и мировая культура. 2018. № 36. С. 75–86.

Исупов К. Г. Жест // Universum: Вестн. Герцен. ун-та. 2015. № 1–2. С. 146–150. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/zhest-frants-geste> (дата обращения: 28.03.2019).

Касаткина Т. А. Художественные тексты в составе «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского: Контекстный анализ. «Кроткая» // Касаткина Т. А. Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М. : ИМЛИ РАН, 2015. С. 412–420.

Крейдли Г. Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М. : Новое лит. обозрение, 2002.

Михновец Н. Г. «Кроткая»: литературный и музыкальный контекст // Достоевский : материалы и исследования / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) ; [редкол.: В. Г. Базанов (гл. ред.) и др.]. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1996. Т. 13 : К 175-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского / [гл. ред. Н. Ф. Буданова и акад. Г. М. Фридендер]. С. 143–167.

Назирова Р. Г. Жесты милосердия в романах Достоевского // Назирова Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет : сб. ст. Уфа : РИО БашГУ, 2005а. С. 125–133.

Назирова Р. Г. Семантика движения в романах Достоевского // Назирова Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет : сб. ст. Уфа : РИО БашГУ, 2005б. С. 199–206.

Нелута Е. Е. Связь ритуальных и противоположных им жестов персонажей романа Ф. М. Достоевского «Бесы» с его проблематикой // Молодой ученый. 2010. № 4. С. 200–203. URL: <https://moluch.ru/archive/15/1375/> (дата обращения: 28.03.2019).

Пис Р. «Кроткая» Достоевского: ряд воспоминаний, ведущих к правде // Достоевский: Материалы и исследования / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) ; [редкол.: В. Г. Базанов (гл. ред.) и др.]. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1997. Т. 14 / [отв. ред. Н. Ф. Буданова, И. Д. Якубович]. С. 187–196.

Пушачев С. Б. Поэтика жеста в произведениях Ф. М. Достоевского (на материале романов «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы») : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Великий Новгород, 2006.

Туниманов В. А. «Кроткая» Достоевского и «Крейцерова соната» Толстого (две исповеди) // Рус. литература. 1999. № 1. С. 53–88.

References

Belobrovtsseva, I. Z. (1978). *Mimika i zhest u Dostoevskogo* [Mime and Gesture in Dostoevsky's Works]. In G. M. Friedlender (Ed.), *Dostoevsky: materialy i issledovaniia* [Dostoevsky: Materials and Studies] (Vol. 3, pp. 272–346). Leningrad: Nauka. (In Russian)

Denisova, A. V. (2014). "Stradanie tut ochevidnoe..." ("Krotkaia" F. M. Dostoevskogo v kontekste "Dnevnika pisatel'ia" za 1876 god) ["Suffering Here Is Obvious..." (A Gentle Creature by Dostoevsky in the Context of A Writer's Diary of 1876)]. *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal*, 3(5), 388–393. Retrieved from http://libartus.com/arch/files/2014/5/07_140113_Denisova_v3.pdf. (In Russian)

Esaulov, I. A. (2018). *Khudozhestvennyi mir Dostoevskogo v svete oppozitsii "iurodstvo/shutovstvo" i pozitsiia Bakhtina: na materiale fantasticheskogo rasskaza "Krotkaia"* [Dostoevsky's Fictional World in the Light of the "Foolishness for Christ / Buffoonery" Opposition and Bakhtin's Position: With Reference to the Fantastic Story A Gentle Creature]. *Dostoevsky i mirovaia kul'tura*, 36, 75–86. (In Russian)

Gabdullina, V. I. (2008). *Semiotika zhesta v poeticheskoi sisteme Dostoevskogo: sakral'noe i profanno* [The Semiotics of Gesture in Dostoevsky's Poetical System: Sacred and Profane]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 3, 46–51. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/v/semiotika-zhesta-v-poeticheskoy-sisteme-f-m-dostoevskogo-sakralnoe-i-profanno>. (In Russian)

Girshman, M. M. (1982). *Ritm khudozhestvennoi prozy* [The Rhythm of Fictional Prose]. Moscow: Sovetskii pisatel'. (In Russian)

Isupov, K. G. (2015). *Zhest* [Gesture]. *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta*, 1–2, 146–150. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/v/zhest-frants-geste>. (In Russian)

Jackson, L. (1997). *V neschast'e iasneet istina: kontsovka "Krotkoi"* [The Truth is Clearer in Calamity: The Ending of A Gentle Creature]. *Dostoevsky i mirovaia kul'tura*, 9, 100–106. (In Russian)

Kasatkina, T. A. (2015). *Khudozhestvennye teksty v sostave "Dnevnika pisatel'ia" F. M. Dostoevskogo: Kontekstnyi analiz. "Krotkaia"* [Literary Texts as a Part of Dostoevsky's A Writer's Diary: Contextual Analysis. A Gentle Creature]. In T. A. Kasatkina, *Sviashchennoe v povsednevnom: Dvustavnyi obraz v proizvedeniakh F. M. Dostoevskogo* [The Sacred in Everyday Life: A Two-part Image in the Works of F. M. Dostoevsky] (pp. 412–420). Moscow: The Gorky Institute of World Literature, RAS. (In Russian)

Kreidlin, G. E. (2002). *Neverbal'naia semiotika. Iazyk tela i estestvennyi iazyk* [Non-Verbal Semiotics. Body Language and Natural Language]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Mikhnovets, N. G. (1996). "Krotkaia": literaturnyi i muzykal'nyi kontekst [A Gentle Creature: A Literary and Musical Context]. In N. F. Budanova, & G. M. Friedlender (Eds.), *Dostoevsky: materialy i issledovaniia* [Dostoevsky: Materials and Research] (Vol. 13, pp. 143–167). Leningrad: Nauka. (In Russian)

Nazirov, R. G. (2005a). *Zhesty miloserdii v romanakh Dostoevskogo* [The Gestures of Mercy in Novels by Dostoevsky]. In R. G. Nazirov, *Russkaia klassicheskaia literatura: sravnitel'no-istoricheskii podkhod. Issledovaniia raznykh let: sbornik statei* [Russian Classical Literature: Comparative Historical Approach. Studies from Various Years: A Collection of Articles] (pp. 125–133). Ufa: Bashkir State University. (In Russian)

Nazirov, R. G. (2005b). *Semantika dvizheniia v romanakh Dostoevskogo* [The Semantics of Movement in Dostoevsky's Novels]. In R. G. Nazirov, *Russkaia klassicheskaia literatura: sravnitel'no-istoricheskii podkhod. Issledovaniia raznykh let: sbornik statei* [Russian Classical Literature: Comparative Historical Approach. Studies from Various Years: A Collection of Articles] (pp. 199–206). Ufa: Bashkir State University. (In Russian)

Nelipa, E. E. (2010). *Sviaz' ritual'nykh i protivopozhnykh im zhestov personazhei romana F. M. Dostoevskogo "Besy" s ego problematikoi* [The Connection between the Problematics

of Dostoevsky's Novel *Demons* and Ritual Gestures and Those Contrary to Them of its Characters]. *Molodoi uchenyi*, 4, 200–203. Retrieved from <https://moluch.ru/archive/15/1375/>. (In Russian)

Pis, R. (1997). "Krotkaia" Dostoevskogo: riad vospominanii, vedushchikh k pravde [*A Gentle Creature* by Dostoevsky: Some Memories Leading to the Truth]. In N. F. Budanova, & I. D. Yakubovich (Eds.), *Dostoevsky: materialy i issledovaniia* [Dostoevsky: Materials and Studies] (Vol. 14, pp. 187–196). Leningrad: Nauka. (In Russian)

Pukhachev, S. B. (2006). *Poetika zhesta v proizvedeniakh F. M. Dostoevskogo (na materiale romanov "Prestuplenie i nakazanie", "Idiot", "Besy", "Podrostok", "Bratja Karamazovy")* [The Poetics of Gesture in Dostoevsky's Novels (with Reference to *Crime and Punishment*, *The Idiot*, *Demons*, *The Adolescent*, *The Brothers Karamazov*] (doctoral dissertation). Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod. (In Russian)

Tunimantov, V. A. (1999). "Krotkaia" Dostoevskogo i "Kreitzerova sonata" Tolstogo (dve ispovedi) [*A Gentle Creature* by Dostoevsky and *The Kreutzer Sonata* by Tolstoy (Two Confessions)]. *Russkaya literatura*, 1, 53–88. (In Russian)

Voloshina, A. (2010). "Krotkaia" [*A Gentle Creature*]. *Peterburgskii teatral'nyi zhurnal. Blog*. Retrieved from <http://ptj.spb.ru/blog/krotkaya-gavryshkin/>. (In Russian)

Отева Ксения Николаевна

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры литературы и искусства
Российский государственный институт сценических искусств
191028, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 34
E-mail: kseniia.oteva@gmail.com

Oteva, Ksenia Nikolaevna

PhD (Philology), Senior Lecturer
Department of Literature and Art
Russian State Institute of Performing Arts
34, Mokhovaya Str.,
191028 St Petersburg, Russia
Email: kseniia.oteva@gmail.com